

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ 3-ГО ЛИЦА В ГЛАГОЛЬНОЙ СИНТАГМЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА X—XIV ВВ.

И. ГОЛУБЕНКО

В текстах памятников старофранцузского языка немало случаев, когда для построения фразы используется субординация двух (или нескольких) предложений. Анализируя синтаксический строй старофранцузского языка, Г. Биллер находит, что авторы намеренно прибегают к субординации, стараясь придать произведениям большую содержательность и показать владение высоким стилем литературного языка¹. Из исследованных нами текстов наиболее широко субординированные предложения используются в Романе о Граале; по-видимому, автор как раз желал придать своему рассказу наибольшую подробность и ясность в деталях.

Примечательно построение субординированных предложений: если в независимых предложениях ранних старофранцузских текстов подлежащие, выраженные личными местоимениями, только начинают появляться и присутствуют при глаголе в редких случаях, в подчиненных предложениях случаи их употребления гораздо чаще². Возникает вопрос, чем же обоснована такая популярность подлежащих — личных местоимений в субординации: ведь, как и в независимых предложениях, в предложениях подчиненных те же возможности выразить подлежащее либо именем, либо при помощи глагольного окончания. Если в субординированных предложениях частота личных приглагольных местоимений выше, чем частота других способов указания на действующее лицо, на то должны быть определенные причины. Каковы они и, прежде всего, где и как используются личные местоимения при глаголе подчиненного предложения?

¹ G. Biller, *Remarques sur la syntaxe des groupes des propositions dans les premiers romans français en vers (1150—75)*, GHA, 1920, p. 5.

В самых старых текстах, рассказ которых еще весьма примитивен, число субординированных предложений ограничено: в Алексисе — 30% всех предложений, в Роланде — 25% (T. Franzén, *Etude sur la syntaxe des pronoms personnels sujets en ancien français*, Uppsala, 1939, p. 22; H. Nissen, *L'ordre des mots dans la Chronique de Jean d'Outremeuse*, Uppsala, 1943, p. 66; A. Grad, *L'inversion du sujet dans la principale précédée d'une subordonnée en ancien français*, JAZU, Razprave II, 1956, p. 73).

² T. Franzén, *Etude...*, p. 22.

В данном случае мы изучали личные местоимения 3-го лица в восьми текстах старофранцузской литературы (с X по XIV вв.) Это: *Passion du Christ*, *Vie de St. Alexis*, *Chanson de Roland*, *Roman de Tristan*, *Couronnement de Louis*, *Courtois d'Arras*, *Queste del Saint Graal*, *Roman du comte d'Anjou*.

Личные местоимения 3-го лица в роли подлежащего при глаголе употреблены в этих текстах в подчиненных предложениях различных типов: дополнительных, определительных, временных, причинных, следственных, подлежащих, сравнительных, а также в придаточных образа действия. Наиболее многочисленной является группа дополнительных придаточных предложений, где (как, впрочем, во всех видах придаточных предложений) преобладает препозитивный порядок членов глагольной синтагмы: личное местоимение 3-го лица + глагол.

Придаточные дополнительные не отличаются разнообразием, чаще всего это предложения типа: *Or set il bien qued il s'en deit aler* (Al. 279). Исключительно в препозитивном порядке строятся многочисленные временные придаточные. Они отличаются разнообразием присоединения к главному предложению: чаще всего это происходит при помощи *quant* (*Quant il ço veit que l'voelent onurer*, Al. 186); в *Passion* временные придаточные присоединяются еще только при помощи *cum*: *Cum el perveing a Belfage* (17). *Cum* встречается и в Песне о Роланде: *Cum il le vit, a ferir le desiret* (1482). Позднее, в Тристане и Коронации Людовика союзы временных предложений становятся разнообразнее: *Tantost cum il fu desliez* (Т. 1489), *O ainz qu'il seit li matins ajornez* (L. 1593). Особенно разнообразны временные придаточные в Граале; они чаще всего присоединяются при помощи *quant*, а также *come*, *com*, *que*.

Придаточные определительные по частоте выделяются на одно из первых мест, однако своей конструкцией не представляют ничего исключительного: *Marsilies vint par mi une vallee || Od sa grant ost que il out asenblee* (R. 1449–1450).

Структуре *SV* полностью соответствуют глагольные синтагмы придаточных условия, следствия, места, цели, а также уступительные, сравнительные, образа действия. Кроме того, препозиция личного местоимения 3-го лица ед. числа преобладает в придаточных причины и подлежащего (в примерах этих придаточных встречаются случаи постпозиции, обусловленные разными причинами: порядок *Verbe + il* в косвенном вопросе субординированного предложения *Passion* 179–80 появился, возможно, под влиянием конструкции вопроса прямого. Постпозиция *il* в субординированных предложениях могла быть также вызвана наречием *si* — *Et il dist que si fera il volentiers...*, G. p. 6, 23–24; имеющим сильный тонический характер старофранцузским *ce* — *distrent que por ce que ele en avoit dit ...*, G., p. 50; 18–19;

а также порядком объект-глагол-подлежащее, который в старофранцузском языке обладал правами, почти или совершенно равными правам конструкции *SVС*).

Постпозиция личного местоимения 3-го лица ед. числа в субординированных предложениях употребляется так редко и в случаях так строго обоснованных (причем так схожих с аналогичными случаями в современном языке), что становится вполне возможным следующее предположение: в субординированных предложениях старофранцузского языка нормальной и общепринятой считалась конструкция *il + V*, причем в некоторых случаях *il* не имел значения личного местоимения (к этому мы еще вернемся). Более высокая, чем в независимых предложениях, частота конструкции *il + V*, возможно, обусловлена самим характером субординированных предложений: являясь инструментом для дополнения мысли главного предложения, они должны были обладать ясной, четкой формой, отсюда – высокий уровень их грамматикализации: почти повсеместная структура *il + V*.

Заслуживающим внимания фактом нам кажется то, что в придаточных предложениях *il* в ряде случаев не обозначает никакого конкретного лица, иначе говоря, *il +* глагол является безличной конструкцией. Такие конструкции употреблены в субординированных предложениях различных видов. Так, дополнительные безличные встречаются в Тристане, Коронации Людовика, Куртуа (правда, только единичные случаи), Граале (10,9% всех придаточных дополнительных) и Анжу (50% дополнительных предложений этого произведения). Безличные временные употребляются, начиная с Алексиса (стр. 51). Примеры безличных *il* встречаются также среди придаточных определительных, причинных, условных (примечательно, что в большинстве это структура *s'il vous plest*, *S'il vos plest*, *se il vous plaist*. В Граале встречается даже *s'il vos plaisoit*, р. 53, 28 и *s'il vos pleust*, р. 41, 13). Остальные случаи употребления безличного *il* в придаточных предложениях были обнаружены в следственных, подлежащих, уступительных, сравнительных предложениях, а также в придаточном образе действия. Закономерно возникает возможность поставить вопрос: почему именно в субординации личное местоимение *il* ед. числа обладает довольно частым употреблением в функции, которая выходит за рамки значения личного местоимения. На этот вопрос мы попытаемся ответить, подводя итоги случаев употребления личных местоимений в субординации.

Кроме личного местоимения 3-го лица *il*, с глаголами единственного числа в придаточных предложениях употребляется местоимение *elle*, имеющее форму *ele*, *elle* и даже *el*. В примерах с *ele* мы не обнаруживаем ни одного случая постпозиции. Временные, дополнительные, подлежащие, определи-

тельные, каузальные, сравнительные, уступительные, а также придаточные условия являются конструкциями *ele* + глагол: *Et quant ele vint devant Lancelot, si li dist* (г. р. 2,25–26). Наиболее распространены придаточные времени и дополнения.

Остается коснуться употребления личного местоимения 3-го лица мн. числа *il*. Несмотря на то, что с самых первых текстов категория мн. числа выражается повсеместно глагольным окончанием, не вызывающим сомнений, при глаголе все чаще начинает присутствовать местоимение *il*, по форме выражения не отличающееся от *il* ед. числа. Структура синтагм *il* + глагол мн. числа в большинстве случаев обладает препозитивным порядком членов. Придаточные предложения с *il* мн. числа также не отличаются разнообразием, как придаточные с *il* ед. числа. Редко встречающийся постпозитивный порядок глагол + *il* мн. числа обусловлен либо наречием *or*, либо выдвижением на первое место объекта, либо обстоятельством в начале субординированного предложения.

В заключительной части краткого обзора употребления личных местоимений 3-го лица в субординированных предложениях мы считаем возможным привести некоторые численные данные, могущие послужить иллюстрацией к вышесказанному.

Прежде всего, о частоте личных местоимений 3-го лица. Мы упоминаем, что она возрастает. Процентное соотношение употребления *il* и *ele* в субординации таково (табл. 1):

Таблица 1

	P	AL	R	T	L	C	G	Ap
Общее число личных мест в текстах	59	104	274	469	354	218	1413	343
% <i>il</i> в субординир. предл.	20,33	39,42	17,88	25,15	21,46	13,30	32,34	16,90
% <i>il</i> + <i>Vent</i> в суб.	10,16	11,53	5,47	4,05	4,23	2,29	11,25	2,62
% <i>ele</i> в суб.	—	—	0,72	3,62	—	2,75	1,91	4,37
% <i>eles</i> в суб.	1,69	—	—	—	—	1,37	0,49	2,91
% общего числа мест 3-го лица в суб. предл.	32,18	50,95	24,07	32,82	25,69	19,71	45,99	26,80

Отклонения от равномерного возрастания частоты, которые мы замечаем в таблице, зависят и от объема текста, подвергавшегося анализу, и от его сюжета: в *Passion* и *Алексисе* нет ни одного *ele* в субординации, очень редко оно и в независимых предложениях, так как объектом рассказа является то Христос, то какой-нибудь святой (как в *Алексисе*). Небольшой процент *il* ед. числа в субординированных предложениях Куртуа обусловлен характером произведения: это текст театрального представления, где в диалоге часты *je* и *vous (tu)*, но не указание на 3-е лицо. В Анжу местоимение 3-го лица ед. числа мужского рода вообще редко, ибо там главные действующие лица – дочь графа и сопровождающая ее дама. Вообще же частота личных местоимений в субординированных предложениях сравнительно высока (по крайней мере, выше, чем эта частота в независимых предложениях, о чем может свидетельствовать таблица 2):

Таблица 2

	% <i>il</i> ед. ч. в незав. пр.	% <i>il</i> ед. ч. в суб. пр.	% <i>il-ent</i> в незав. пр.	% <i>il-ent</i> в суб. пр.	% мест 3-го л. в незав. пр.	% мест 3-го л. в суб. пр.
P	13,55	20,33	22,06	10,16	38,98	32,18
AL	21,15	39,42	1,92	11,53	26,91	50,95
R	16,42	17,88	1,82	5,47	18,60	24,07
T	10,44	25,15	1,70	4,05	13,42	32,82
L	22,31	21,46	1,96	4,23	24,27	25,69
C	8,25	13,30	1,83	2,29	10,95	19,71
G	13,09	32,34	2,33	11,25	17,27	45,99
An	13,99	16,90	0,58	2,62	20,39	26,80

Итак, во всех текстах, за исключением *Passion*, процент употребления личных местоимений 3-го лица в субординированных предложениях превышает этот процент в независимых предложениях. *Passion* – текст наиболее архаичный из исследованных нами, к субординации там прибегают срав-

нительно редко: рассказ легче строить из коротких самостоятельных предложений, склеиваемых одно с другим; чем выше уровень литературного языка, тем чаще автор использует подчинение одного предложения другому, демонстрируя свое умение дополнить, уточнить основную мысль. Впоследствии, в более поздней стадии старофранцузского языка, проявляется как бы, в некоторой мере, злоупотребление придаточными предложениями (напр., в Романе о Граале), когда вокруг коротенького сообщения о каком-либо поступке одного из персонажей группируется целый рой придаточных предложений, до мелочей уясняющих, когда, зачем, при каких обстоятельствах, где и с кем одно или другое действие было совершено, закончено или нет, и добраться до конца такой фразы зачастую не так просто. Но фраза такого строя — это особенность примерно XIII в., причем прозы (в стихотворной речи, разумеется, такую фразу не построишь); поэтому неудивительно, что в *Passion*, относящейся к X в., чаще используются независимые предложения, нежели придаточные.

Итак, употребление личных местоимений 3-го лица в субординации превосходит употребление этих местоимений в независимых предложениях. Как замечает Ж. Муанье, присутствие местоимения-подлежащего в придаточном предложении — это уже норма³. Глагольная форма редко остается единственным носителем информации лица, хотя и обладает этой возможностью. Высокая частота личных местоимений-подлежащих в субординированных предложениях, как нам думается, зависит от двух факторов: природы личного местоимения 3-го лица *il* и природы субординированного предложения, которое, будучи дополнением, инструментом для детализирования мысли главного предложения, должно обладать наиболее ясной, наиболее грамматикализованной формой. Возможно, поэтому глагольная синтагма субординированных предложений чаще, чем глагольная синтагма предложений свободных, независимых, включает в свой состав подлежащее. Что касается природы личного местоимения *il*, которое так часто служит подлежащим субординированного предложения, хотя глагольное окончание в достаточной мере обозначает лицо и число, то, являясь наиболее абстрактным (вспомним безличные конструкции с *il*, где оно не указывает ни на какое конкретное действующее лицо), а поэтому и наиболее удобным определителем для детерминации глагольной синтагмы (подобно тому, как артикль *le*, происшедший из того же слова, что и местоимение *il*, послужил наиболее удобным инструментом для детерминации синтагмы номинальной), это личное местоимение лучше всего подходило для субординированных предложений, нуж-

³ G. Moignet, *Le pronom personnel français, Essai de psychosystématique historique*, P., 1965, p. 95.

давшихся в *il* как в инструменте, который выполнял сразу несколько функций: 1) как подлежащее субординированного предложения, *il* поддерживал связь с тем членом предложения, которое следовало уточнить, позволяя тем самым не терять нить повествования; 2) *il* определял глагольную синтагму субординированного предложения, придавая ей законченную форму; 3) детерминируя глагольную синтагму, *il* тем самым придавал законченную форму всему субординированному предложению. Мы полагаем, что именно из-за приведенных причин употребление личного местоимения 3-го лица *il* в субординированных предложениях отличалось значительной частотой.

Список сокращенных названий памятников

- Al. — G. Rohlfs. Sankt Alexius. Altfranzösische Legendenichtung des 11. Jahrhunderts, Halle/Saale, 1950 (Sammlung romanischer Übungstexte, XV. Band).
- An — Jehan Maillart. Le roman du comte d'Anjou (Les classiques français du Moyen âge publiés sous la direction de Mario Roques, Paris, 1931).
- C. — Courtois d'Arras. Jeu du XIIIe siècle (Les classiques français du Moyen âge publiés sous la direction de Mario Roques, Paris, 1911).
- G. — La Queste del Saint Graal (Les classiques français du Moyen âge publiés sous la direction de Mario Roques, Paris, 1923).
- L. — Le couronnement de Louis (Les classiques français du Moyen âge publiés sous la direction de Mario Roques, Paris, 1920).
- P. — La Passion du Christ (E. Koschwitz. Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires, Leipzig, 1930).
- R. — La chanson de Roland. Publiée par J. Bédier, Paris, 1927.
- T. — Bérout. Le roman de Tristan. (Les classiques français du Moyen âge publiés sous la direction de Mario Roques, Paris, 1957).

Vilniaus V. Kapsuko
universitetas

Įteikta

Prancūzų kalbos katedra

1974 m. rugsėjo mėn.

EMPLOI DES PRONOMS PERSONNELS DANS LE SYNTAGME VERBAL EN ANCIEN FRANÇAIS (PROPOSITIONS SUBORDONNÉES)

Résumé

Selon les médiévistes, l'emploi des pronoms personnels est singulièrement plus fréquent dans les propositions subordonnées de l'ancien français. Les données statistiques le prouvent aussi d'une façon assez évidente. On est amené à croire que la fréquence des pronoms personnels dépend de la nature de ces pronoms aussi bien que de celle de la proposition subordonnée: le pronom *il*, par exemple, ayant le contenu sémantique le plus abstrait, convient à merveille à déterminer le syntagme verbal et en même temps à parfaire la forme de la proposition subordonnée.